Автоэтнография деревенского дома Русского Севера

Д.М. Рогозин, Е.В. Вьюговская

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий лабораторией социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. 119034, Москва, Пречистенская наб., 1. E-mail: nizgor@gmail.com

Елена Васильевна Вьюговская, научный сотрудник лаборатории социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ. 119034, Москва, Пречистенская наб., 1. E-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru.

В статье посредством этнографического «слабого» письма раскрывается концепт дома русской северной деревни, его архетипичность в контексте традиционного деревенского жизненного уклада. Этнографическое письмо — это, во-первых, интроспекция личных чувств и впечатлений, во-вторых, агрегирование частных переживаний и размышлений в единую историю, в-третьих, усиление личных историй отрывками аутентичной прямой речи и экспрессивными языковыми средствами, далеко не для того, чтобы продемонстрировать авторскую велеречивость, но позволить эмоциям проявить себя в словах и выражениях. Материалом послужили разговоры и наблюдения в деревне Синики Устьянского района Архангельской области, в которых обсуждалось устройство домов информантов, их облик, история возведения и соотнесенность с историей семей. Авторы показывают, что особости старинного северного дома заключаются не только в специфике архитектурных форм, организации жилого пространства (избы) и хозяйственных помещений (пристроев). Они безраздельно связаны с его хозяевами, их биографиями и судьбами, являются отражением культурной самобытности, семейных ценностей, родовой памяти, межпоколенческих связей его обитателей. Внутреннее устройство, определявшееся прежде всего природными условиями, хозяйственными и промысловыми нуждами, прагматикой повседневности, позволяет выделить четыре типа северных деревенских домов: избу, пятистенок, безымянное жилье и двухквартирник. Последние два типа представляют собой позднюю застройку, характеризующуюся повышенной комфортностью и компактностью, и как следствие — утратой былого значения широких хозяйственных многофункциональных пространств. Формирование новых форм хозяйствования, переосмысление места жизни, преобразование дома

В основу данной работы легли разговоры и этнографические интервью с жителями деревни Синики Устьянского района Архангельской области, проведенные в рамках инициативного проекта «Вместе 1000 лет» полевыми интервьюерами Дмитрием Рогозиным и Еленой Вьюговской в декабре 2017 года. Респондентами выступили мужчины и женщины преимущественно старшего возраста (72+ лет), многие из них родились в деревне и провели здесь большую часть своей жизни.

под современного сельского жителя (чаще всего старика) есть основа ревитализации деревни.

Ключевые слова: автоэтнография, включенное наблюдение, деревенский дом, ревитализация села, слабое описание, сельский уклад

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-1-98-122

Я временный, мой отец был временный, дети тоже будут временные. Но сама-то Русь стоит уже тысячу лет, она же не временная. Почему бы нам тоже хоть что-то не оставлять в наследство? Да и сам я, пусть временный, хочу и для себя маленько пожить. В меру совести, конечно. И в своем, желательно, доме. Альфред Петрович смеялся и хвалил меня, но сказал, что главное наследство дух, а не дом или имущество. Я сказал, что если дома не будет, то и духу ютиться негде.

Алексей Слаповский. «Неизвестность»

Пролог

Дорога к тебе была долгой. Четыре года сомнений, вопросов, предубеждений, но всегда возвращения к главной мысли — ехать. Несмотря ни на что. И теперь отправились в путь, невзирая на снежный декабрь, опасный не морозами, а обманчивой оттепелью. Отправились, несмотря на твою удаленность от цивилизации, к благам которой так привыкли, которые ты упорно не хочешь признавать и осваивать, разве только частично. Отправились вопреки суровому, холодному, как твои зимы, и чарующему, как тетеревиный ток, нраву твоих обитателей. Многие из них ушли, а вместе с ними — нерассказанные, незаписанные, непрочтенные другими, важнее всех, детьми и внуками, истории — частные летописи, сплетенные друг с другом в одну большую, сложную хронику твоей жизни. Медвежий угол, глухомань, край света. Русский Север, таежная сказка, родная земля.

Запомнила его высоким, статным, выделявшимся на фоне других «собратьев», пусть и в годах, но все еще исполненным какой-то неведомой жизненной силы. А теперь увидела заметно состарившимся, ссутулившимся, а главное, одиноким, брошенным, «болезненным». Ведь не забыли же, приехали, навестили, а распаляться все равно не спешил. Словно чувствовал, что ненадолго, что вскоре оставят и придется вновь остывать под холодными зимними ветрами. Не обижайся, старче, ты все равно был, есть и будешь главнейшим членом семьи. Ты — ее основатель. Молчаливый хранитель ее традиций и тайн. Деревенский дом.

***

Деревенский дом. Сруб-пятистенок, развернувшийся во все стороны дворовыми постройками, туалетным чуланом, кладовыми,

закромами для зерна и мяса, крошечной чердачной комнаткой для подростковых вечерок. Дом как двор: с переходами, балками, покосившимися, осевшими, вдавленными в землю порогами, пространством для неспешных прогулок. Фонарь выхватывает старые, проржавелые косы. Ровно пять, и еще одна сломанная на полу — большая семья, трудовая жизнь. Все в прошлом. Василий, отец Лены, крепкий мужчина средних лет, улыбается воспоминаниям, с удовольствием рассказывает, поясняет, отвечает на вопросы. Дом открыт для гостя, внешнего взгляда, вопросов. Через воспоминания, старые вещи, забытые сундуки с журналами, голосом своего жильца, когда-то ребенка, дом рассказывает о деревенской жизни.

Приехали узнать о деревенском доме от первого лица, без академической отстраненности, объективированной позы, ученой назидательности. Лена никогда не жила здесь подолгу. Это дом отца, его детства, деревенских мечтаний, труда и забав. Лена здесь не чужая, но и не своя. Деловито сметает снег с крыльца, тщательно обметает валенки: «Осторожно, здесь низкий косяк, осел проход». Она знает много: капризы печи, покосившуюся дровницу, нехитрый набор кастрюль, тюлевые занавески и выцветшие картинки из журналов. Лена чаще отвечает, чем спрашивает. Отвечает своим чувствам, растворенным в предметах дома воспоминаниям или моим вопросам. Разговоры с Леной, Василием, их соседями — основание наших этнографических размышлений.

Каков деревенский дом? Какова его история? Как он развивается, пристраивается, ремонтируется? Как дом воспринимается хозяевами? Как трансформируется, обживается, становится своим? Каким деревенский дом стал? Каким он может стать?

«Слабое» описание

Лиричность вступления, метафоричность и авторская полифония не случайны. Да, мы не мастера слова, с трудом усмиряем разрывы в речи, сдерживаем эмоциональную избыточность. Нам легче придерживаться объективированного, обезличенного стиля. Но сам предмет исследования (оставим пока этот штамп научной речи) диктует иную, поэтизированную (Бабашкин, 2017: 152), эмоциональную (Hammersley, Atkinson, 1989: 207) подачу материала. Дабы не утонуть, не пресытиться «легковесностью и наукообразностью» (Виноградский, 2017а; Бабашкин, 2018: 175), не смотреть на мир с верхнего регистра, следует совершить радикальный отказ от привычных, академических форм подачи материала. Совершить над собой насилие, высказать свою слабость.

В ситуации общения, соприсутствия иному строю мысли, иной ритмике речи, понимаешь, что все усилия по переводу неказистой, но прямой, правдивой манеры сельских жителей в стройную лите-

ратурную форму терпят полный крах. Неуместность, надуманность и чужеродность любых концептуальных описаний, заимствованных из многочисленных трудов коллег, выпирает, разрушает уверенность, требует вовсе отказаться от письма. Об этом нельзя ничего сказать внятно, не лучше ли замолчать?

Но мы продолжаем. И потому выбираем иной, эмоциональный, с явными смысловыми разрывами стиль изложения, соответствующий методической культуре этнографических размышлений, или включенного наблюдения, — понятий, в целом синонимичных. Представлять других через их представление о ситуации (Halvacree, 1995), не присваивать их речь, не пересказывать, а включать себя в коммуникацию, репрезентировать непонимание, производить автоэтнографические тексты.

Полифония авторских высказываний, с переходами от «мы» к «я» (морфология русского языка позволяет без особых маркеров различать высказывания разнополых авторов), дополняется речью информантов и стилистически нейтральным изложением «как-если-бы» фактологии, почерпнутой из иных публикаций. Полноименными, неанонимными предстают наши собеседники. Спросил одного об информированном согласии, получил недоуменный взгляд: «Разве правда бывает анонимной. Как есть, так и пишите». Со вторым уже не упоминал о столь чуждых деревенскому быту материях, лишь коротко интересовался: можно ли, допустимо?

Мы ведем речь о деревенском доме, пытаемся определить его место в жизни оставшихся и уехавших из деревни, пережить их восприятие родных мест, близости и уюта, эволюции материальных воплощений семейного быта. Как и сотни других полевых исследователей (см., например: Cowie, Heathcott, 2003; Lequieu, 2017; Tuitjer, 2018; Виноградский, 2017a, 2017b), фиксируем изменения в жизни, восприятие селянами себя, окружающих, своего дома в контексте обрушения экономических условий, свертывания сельской экономики (в нашем случае лесозаготовок и посевов). Попытка описать услышанное отстраненно, подражая незаинтересованным, нейтральным повествователям, у нас провалилась. Что-то значимое, эмоциональное, определяющее отношение ускользало. Потому решились уйти в автобиографичность письма, выставив свою неуклюжесть и удивление, отказавшись от описи проведенных интервью, формализации отбора респондентов и объективированного письма. Это и есть этнография, или мотивированное слабое описание, размышление над собственными сбоями в восприятии непривычного, непонятного и притягательного.

Особости дома

Русский Север испокон веков имеет свои особости в деревенских постройках, сельской архитектуре. Так пишут историки и этно-

графы (Ополовников, Ополовникова, 2001). Вроде бы нет тому опровержений. «Переезжая», как и его обитатели, перестраиваясь, укрепляясь и расширяясь, дом сопровождает жизнь целых поколений. Дом есть материальное воплощение деревенского быта и мировоззрения (Heley, Jones, 2012); «локальности, репрезентации и проживания» (Halfacree, 1995, 2006: 51-52); родового строя, семьи (Tuitjer, 2018: 156, 159); «места близости, порядка, постоянства, комфорта и укорененной культуры» (Duyvandak, 2011: 28). Другими словами, деревенский дом выступает архетипом сельского пространства, репрезентируя и скрывая деревенское как таковое.

Здесь, на Севере, нет привычных палисадников, отделяющих дом от дороги. Ворота — это вход в лабиринт хозяйственных построек, только пройдя которые можно попасть в избу (так деревенские называют жилое помещение). Органичность, прагматизм переходов и построек, объединенных в единую деревянную композицию, трудно уловить, впервые переступив порог. Узкие коридоры, отсутствие окон шокирует, сбивает ориентацию. Не знаешь, куда двинуться, какую дверь открыть. Замешательство определяет во мне чужака. Плутаю в темноте, пока голос хозяина не указывает верное направление.

Здесь, в деревне отца, была всего три раза. В доме жили бабушка и дедушка. Косили сено, копали картошку, ходили в лес. Дом блестел чистотой, окутывал ухоженностью. Мост, или срединная часть дома, где не было окон, казалось, был наполнен своим внутренним светом. Домотканые, разноцветные половички. Ведра с ягодами или грибами. На столе отполированный, всегда горячий самовар, лучшая посуда — для гостей. Распаленная печь. Запах шанег, топленого молока. Дом полон звуков, запахов — полон жизни. Таким я его помню, воспринимаю сейчас. Сквозь опустевшие сени пробивает голос деда. Любимое место на веранде. Дымящиеся окурки, только что затихшая гармонь. Уютная, неспешная деревенская жизнь. И дом, большой, с бесконечными хозяйственными закутками — ее основание.

Дом старинный, не меньше ста лет от роду, с историей перепродаж, разных хозяев, переездов, разборки и сборки — по бревнам от основания до венцов. Такой строительный подход обусловлен прагматическими задачами, в том числе отказом от возведения нового жилья в пользу «вторички». Заготовка леса под сруб дома предполагала недюжинные материальные, временные и физические затраты, в то время как перевезти готовый, пусть и обжитый прежними хозяевами, дом на расстояние до 50 километров виделось куда проще, быстрее и дешевле.

Второй день в деревне. С утра пошел поговорить к соседу семьи Ергиных, в доме которых остановились. Все в деревне родственники, особенно соседи (Самойлова, 2016: 310-311). Мой собеседник — Анатолий Павлович Ергин, 85 лет, живет один. Две

дочери давно перебрались в город, по очереди навещают отца, по нескольку месяцев живут, ухаживают, готовят, убираются. Расположились в горнице за столом. Напротив — фотография недавно умершей жены, стопка журналов, искусственные цветы в вазе. Видно — хозяин подготовился, ждал. Говорим о жизни, о доме.

> *«А вот в этой деревне и родился, только не в этом доме, отцовский он был. Вон за тем домом, что рядом стоит, его нету сейчас, огород теперя. Раньше я тут родился и жил, пока не построил свой дом. А этот я ставил в 54-м году. Вот с починка-то* (так называют сельское поселение на Севере. — Прим. авт.)*, с Большого Озера, и перевез его. Шесть километров отсюда у нас хутор был. Вот с того хутора я сюда этот дом перевез. <...> Купил у сына того, кто строил. Этот дом мой стоял вот здесь, под горой. Потом его перевезли в 74-м году, ну хуторная система стала там, его перевезли на Большое Озеро. А до 74-го, в каком-то году он строился, ну уж в том-то столетии, в конце восьмисотых. Крыша пока дом держит. А внутри я ремонтировал. В 70-м году на цемент поставил — нижние уж бровни изгнили»* (Анатолий Павлович Ергин, 85 лет).

С утра навестила Таисию Павловну Ложкареву. Живет вместе с сыном и снохой в одном дворе, но в отдельном домике. Внуки уже взрослые, давно разъехались. Двоюродная сестра Анатолия Павловича, родственница. Ласково его зовет Натолием, вековечным своим хозяином.

> *«Я родилась, вот тут изба была, в том месте изба была. Это потом, жили-пожили, а потом на ноги-то стали... Дом этот с батьком поставили. Был вот этот дом без этой кухни, ставили: окошечки были небольшие, жили — русская печь была вот тут, тут были полати. Мы с отцом после войны — мать, отец, я, кто-то помогал ведь строить — вот это изба была. Потом уж я перестраивала в 74-м году: эту избу раскатала всю, наняла мужиков, нарубили лесу, сделали подруб. Окошки другие, и кухню прирубила. И вот этот двор и все делала без мужа. С наймовой силой!* [Почему решили переделать?] *Так худой он стал. Я жила там, вода тоже все с реки, колодца-то нет. Так приду на берег, стою да реву, да на избушку смотрю, умаливаю. А избушка была невелика, так без горенки-то небольшая. Я стою да реву, стою да реву, жалею избушки. А тут ужо матери сказала, давай я избу переделаю. Лесу нарубим, избу-то переделаем, я и буду жить <...> Лесу нарубили, Колевка сходил в лесничество, лес выписал, с Натолием, братом двоюродным, вековичный мой хозяин, пошли лес рубить. Привезли, вот весной и стали перестраивать. Натолий все командовал, говорил, изба-то мала,*

вот этот конец они к ней и добавили. И срубили» (Таисия Павловна Ложкарева, 85 лет).

Особости деревенского дома неразрывно связаны с его хозяевами, их биографиями и судьбами.

Во-первых, каждый дом — хранилище родовой памяти, порой памяти нескольких поколений. Дом — основание семейной жизни, условие благополучия, планов и надежд на будущее, глубоко укорененных в общем прошлом.

Во-вторых, дом — это звено соседской общины, состоящей из дальних и близких родственников, друзей. Дом — это ландшафтный узел родовых уз. Общая сеть огородов, калиток, троп указывают на неразрывную связь соседей, представляют их общий быт (Домников, 2016: 53). В северной деревне почти отсутствуют фасадные заборы. Декоративны по своему исполнению, они скорее обозначают характер хозяев, украшают пространство, чем оберегают, скрывают их от чужаков. На улице не может быть другого, чужого, опасного, безымянного. Улица принадлежит дому.

В-третьих, в диссонанс с городской жизнью, где значимость имеют только новые вещи, а старое, сломанное подлежит утилизации, деревенский дом — это объект длящихся ремонтов, пристроев, перевозов, где нет законченного, отчужденного, выставленного на продажу предмета недвижимости. Есть материальное воплощение родовых историй, семейных биографий и сельских судеб.

В-четвертых, дом — это субъект хозяйства, жилье для всех: людей, скота, дворовых домашних питомцев. Каждое переустройство, дополнительное помещение, пристрой определяются хозяйственными нуждами, заданы жесткой прагматикой, связанной с деревенским трудом. Дом — это не только место, но и инструмент для воспроизводства деревенского уклада, несуетной повседневности.

Перевозы и пристрои

Перевозить целый дом. Удивительно. Спрашиваю по незнанию, городской неумелости: зачем? Да, и как такое возможно? В ответ лишь вздернутые брови и ухмылка: «избу можно раскатать» за день, а поставить — дня за два. Делов-то».

> *«Так разбирали, ведь он из бревен дом. Когда его надо везти, значит, разбираешь и просто номера ставишь на каждом бревне. В стене вот бревна есть, ряд идет — одно, второй ряд — два, третий, вот на всех этих бревнах ставишь эти... Нет дак перепутать — одно-другое не подойдет уже тут, как номер есть, так подойдет лишь то, как надо. Но только номер на номер кладешь — и все, по номеру. Дак я разобрал на Озере также, на трак-*

торе, я на тракторе трактористом робил, и перевез сюда. И вот здесь и поставили с отцом. Отец в то время жил-был, так отец помогал делать. Он, правда, инвалид был второй группы, по ногам, но все равно помогал. Но дак когда строил не один отец — помогали другие. В основном вчетвером всегда делали» (Анатолий Павлович Ергин, 85 лет).

Пока добрались до Сиников, проехали не одну северную деревушку — есть среди них ухоженные, а есть и вовсе заброшенные. Трудно не заметить схожесть домовой застройки — большие, тяжелые, вытянутые вверх серо-коричневые срубы, с маленькими оконцами на первом этаже и лишь с фасадной части — поднимаются исполинами вдоль дороги, недоверчиво провожая вглубь таежного края. Это наиболее типичные для Севера дома, так называемые пятистенки.

Особость пятистенка заключается не только в его суровом внешнем облике, но и в прагматизме его возведения и обустройства, в его функциональном назначении. Так, в постройке избы раньше не использовалось ни единого гвоздя, а стыки сруба заполнялись мхом (в редких случаях паклей), для укрепления и утепления (Семченков, 2001). Как и древесина, планировка дома способствовала максимальному сохранению тепла, объединяя жилые и хозяйственные части.

В условиях натурального хозяйства, традиционной промысловой и ремесленной культуры (Никулина, Никулин, 2015: 176), территориальной разобщенности и одновременно общинности (Архипова, Туторский, 2013), долгих северных зим, в условиях ежегодных весенних и осенних распутиц такой тип дома-двора стал самым удобным. В нем можно было заниматься хозяйством, не выходя подолгу наружу (Бодэ, Воеводин, Тодорова, 2017: 5), — пространство пятистенка более всего отвечало хозяйственным нуждам, со временем обрастая новыми пристроями. Очевидно, по этой причине такой план дома получил наибольшее распространение (Ополовников, Ополовникова, 2001; Русский Север, 2001; Шейковская, 2012). Такова очевидность книжная, а для деревенского иначе и быть не может. Изба — основа семьи, а скотина — залог благополучия, оберег от голода и невзгод. В отличие от ироничного городского дискурса, в этих словах проступает изначальный, основательный смысл деревенского уклада.

«А пристрой опять снова, тоже рубишь, тоже наподобие дома, такой же самый для скота примерно, я же держал коров, свиней, телят, ну когды был в силах. Для скота ведь тоже отдельное помещение: пол в самом низу на земле, а потолок тоже есть. Мы называли его двором, как хлев для скота. [Когда перестали скотину держать? Свое хозяйство?] *Хозяйке было 73 года, а мне 71 год, вот как перестали. В 2003 году, декабрь месяц. А тогда как без это-*

Рис. 1. **Дом А.П. Ергина (справа). Фото Д. Рогозина**

> *го? Все скота держали, и пожилые, все. Молодые, как только женились, в первую очередь скотину заводили. Все так, не то, что это я»* (Анатолий Павлович Ергин, 85 лет).

В деревне не стало скотины: лишь в одном дворе увидел пару коров. Остальные предпочитают пакетированное молоко: дешево и сердито, никаких хлопот. Отпала экономическая целесообразность, не стало сил, прекратились пристрои — и вместе с ними разом обветшал большой дом, обернувшись хранилищем брошенных вещей. Огромные пространства хозяйственных построек с переходами, дверьми, полками, лестницами поражают на фоне совсем крошечного жилого помещения, в котором встречающий тебя старик уже смотрится заложником, а не хозяином. Вместо объединяющего, связывающего семью пространства дом становится местом одиночества, покинутости, остро переживаемыми в любом возрасте и месте (Kelly, Steiner, Mazzaei, Baker, 2019). И нет никаких сомнений, что старики, проживающие в сельской местности, — наиболее уязвимая, социально изолированная и незащищенная группа.

Перевозы и пристрои — это нечто большее, чем ремонт или поддержание дома. Это материальная трансформация, опирающаяся на социальные требования, планы и ожидания. Это жизнь, развитие дома и семьи, история их преобразований. Мы привыкли воспринимать движение лишь на больших дистанциях. Здесь, в северных лесах, поколения жили, казалось бы, неподвижно, оседло. Но их оседлость надумана, приписана внешним наблюдателем (Lequieu, 2017: 204). Пока дом развивался, прирастал новыми постройками, менял

свое место — ни о какой оседлости говорить не приходится. Перевозы и пристрои — это элементы утерянной социальной инфраструктуры (Bovet, Strebel, 2019: 92), сельского ландшафта, экологичной мобильности, построенной на сохранении устойчивости, приспособленности к изменениям окружающей среды (Lequieu, 2017: 203). Благоустройство земли, обновление придомовых сооружений обусловлены семейными ценностями и потребностями, становятся общей целью как фактор укрепления семейственности, ощущения надежности и прочности. Однако с приходом старости, наступлением смерти это ощущение, которым обеспечивает сельский дом семью, необратимо (безвозвратно) уходит в прошлое.

В поисках новых историй и рассуждений о деревенской жизни не могу не зайти в дом к Чирковым. Рада бы увидеть Леонида, всегда интересного рассказчика, заботливого и скрупулезного хозяина своего подворья. Вот и теперь, поднимаясь по высокому крыльцу, вижу — новенький дровяной сарай, гараж из свежего дерева. Только хозяина больше нет. Супруга Надежда едва сдерживает слезы — разговоры о планах на будущее, дальнейшем переустройстве, покупке новых предметов быта кажутся тщетными, несостоятельными.

> *«Дровяник-то ребята нам сделали. А то гараж-то он сам сделал, трактор, говорю, купил. Радовался-то — ой. А как в лес, на болото за ягодами да грибами побежит — так никогда, чтоб с пустыми руками. Обязательно че-нибудь несет. Бывает, по два раза в день даже ходил. Придет, отдохнет, поест, и еще раз пойдет — места-то все знал. По пути успеет рыбы наловить на уху... В больнице-то ему две недели надо было отлежать, он неделю отлежал. Октябринка вечером с ним разговаривала, он говорил, все нормально. А в двенадцать, в первом часу ночи умер. Построил все, а сам умер. Как-то вот нужно жить дальше, дак теперь не знаю как. Ребята-то приедут, сено помогут поставить, а все уж не то»* (Надежда Чиркова, 56 лет).

Зачастую дом неотделим от хозяина. Уход последнего — первый шаг к разрушению, даже только что построенного, нового. Это главное, за которым не всегда можно рассмотреть детали. Переустройство дома, его жизненный цикл проходят по-разному, зависят не только от привычек и умений хозяев, но и от типа строения. Без учета этого не понять природу дома и отношения к нему жильцов.

Типология жилья

Воспоминания о молодости, женитьбе, детях и внуках связаны с обустройством избы, или «одноквартирником», как говорят старожи-

лы. Это первый, простейший тип жилья, почти не сохранившийся, поскольку благодаря пристроям дома разрастались и совершенствовались. Как правило, изба представляла собой весьма компактную комнату, заключенную в четыре стены, и небольшие сени, защищавшие вход от непогоды. Изба могла условно (или с помощью предметов мебели) делиться на две части, в одной располагалась печь, был сосредоточен весь кухонный и хозяйственный инвентарь, в другой — обеденный стол, полати (позднее кровати), лавки. Здесь ели, выполняли домашние работы, спали.

> «[Раньше где готовили?] *Все там, что в одной комнате: русская печь большая была. Вот проход, шкаф, тут печь, спали — вот тут полати были, такие настелены доски. Умывальник стоял и стол. Диванов не было, скамейки были, стол да скамейки. Здесь сидит, пишет письмо, я с той стороны сел письмо писать, она пишет, я с ней переписываю. Потом, ты чего пишешь-то?! Одно и то же! Забранили меня, я аж заревел. Пишешь, а еще и не ладно. А под полатями кровать была в этом месте. Все время была, и больше никакой мебели*» (Николай Синицкий, 63 года, сын Т.П. Ложкаревой).

Второй тип — «пятистенок», изба с пристроенной спальной комнатой, обычно небольшой, и кухней, отделенной перегородкой. Развитие такого типа деревенского жилища, как изба-пятистенок, обуславливалось необходимостью увеличения количества не столько жилых, сколько хозяйственных помещений. Для расширения жилой площади к основному срубу избы присоединяли дополнительные помещения или же изначально заготавливали сруб с поперечной «пятой» стеной в центре постройки. Так вместо одного помещения в передней части дома образовывались два — изба и горница, изолированные друг от друга. Жилую часть значительно превосходили в размерах подсобные помещения (двор, клеть, поветь в верхней части здания), которые соединялись с избой лестницами, переходами и так называемым «мостом», обширным, выполнявшим функции чулана и кладовой (рис. 2).

Скотный двор занимал почти весь нижний этаж здания, был оснащен воротами для въезда и выезда подвод; над ним также располагалась поветь — просторный сарай, который служил сеновалом и местом хранения всевозможных земледельческих и промысловых инструментов. Избы-пятистенки — как одно-, так и двухэтажные — получили большое распространение в северной деревне в силу практических интересов, одновременно служили воплощением традиционного патриархального уклада жизни (Пермиловская, 2005). Удивительно, если хозяйственные помещения со временем могли только расширяться, жилое пространство оставалось по-прежнему небольшим, и вместо того, чтобы становиться как можно более комфортабельным, предназначенным для отдыха, на-

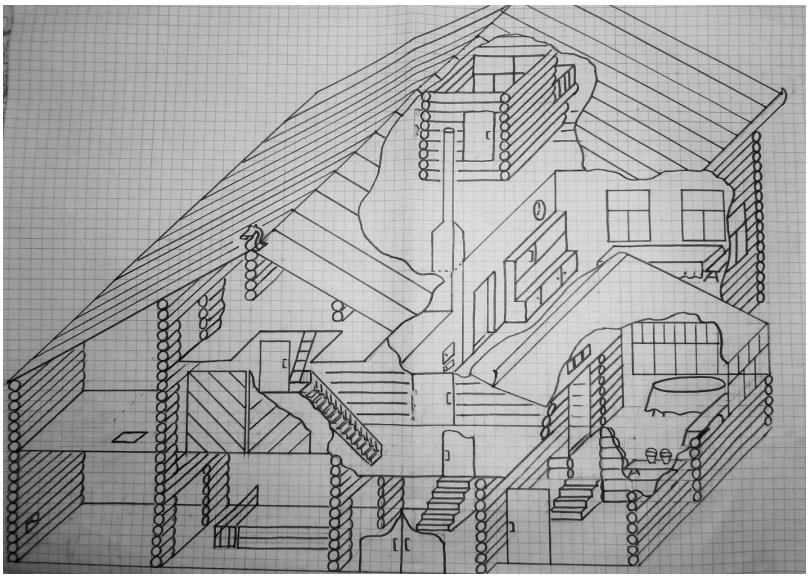

Рис. 2. **Классический «пятистенок». Вид изнутри (рис. Д. Ергина)**

против, продолжало рабочее место, побуждало к дополнительным физическим усилиям, чему в том числе способствовали отсутствие водопроводной воды, биоудобств: *«Воду для скота или помыть что из колодца можно набрать, а на чай если, питьевую — несешь с реки»*. Такой намеренный отказ от благоустройства своего жилища позволял, по словам самих жителей, больше двигаться, держать себя в тонусе, поддерживать хорошую физическую форму, упорядочить день, время, жизнь, которая целиком и полностью посвящалась труду.

> *«А с горенкой «пятистенок» называется. Пять стен-то: четыре по бокам, а посередке — пятая. Вторая комната называется «горенка». Спальня как бы. Не называли «дом» ли что ли, так и звали: у меня изба, у тебя «пятистенок». А то изба, просто отгорожена печкой и все. Ведь печка, тут че-нибудь ставили или досками отгораживали, или какой шкаф поставят, как у кого шкаф был — шкафом отгородили а то. Называлась она заборка, «за заборкой». Там обряды. Обряды — это вот с животными, там вся утварь: ведра какие-то, лоханки, кастрюли, чугуны, готовили там — вот это называлось «за заборкой». «Там за заборкой». «Ой да ты обрядилась?» «Обрядилась!» Все сделать, приготовить, всех накормить. Может, у кого и не так говорят. А как иначе?»* (Любовь Синицкая, 63 года).

Дом также служил основанием для оценки экономического статуса проживавшей в нем семьи, ее численности и гендерного соста-

Рис. 3. **«Пятистенок» А.В. Ергина (1933–2013). Вид с фасада. Фото Д. Рогозина**

ва: так, большой «пятистенок» дешевле и сподручнее было «перевезти» и возвести на новом месте при наличии не одной пары мужских рук.

> *«Пятистенки ведь ставили мужики, у кого сыновья подросли, мужики пришли. Сыновья-то, братья-то — есть кому. Семьи-то большие если»* (Любовь Синицкая, 63 года, сноха Т.П. Ложкаревой).

Дом-пятистенок сегодня обладает аутентичными внешними и внутренними признаками, формирующими неповторимую культурную специфику, присущую Русскому Северу, отражающими его монументальность, сельский хозяйственный уклад.

Третий тип — новая застройка второй половины 1960-х — определенного расхожего среди жителей названия не имеет. Проект советских архитекторов, направленный на избавление от хозяйственных пристроек, закрепление труда только за коллективными формами (Косенкова, 2018: 81), так и остался анонимным, неродным. Дом третьего типа отличается вытянутым корпусом за счет отдельной просторной кухни, пристраиваемой к жилому помещению — избе. Изба переставала выполнять множество функций и теперь оставалась лишь светлой жилой комнатой с окнами. Кухня становилась значительно крупнее своих предшественниц и теперь полностью перенимала хозяйственную роль.

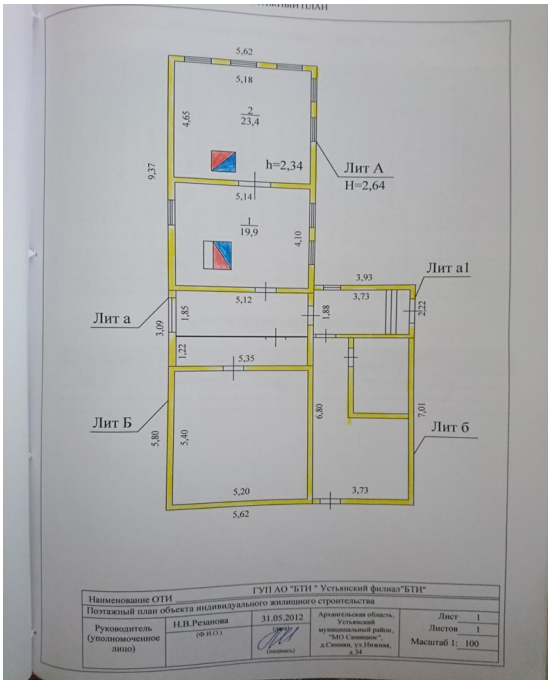

Рис. 4. **Поэтажный план новой застройки конца 1960-х годов (дом Т.П. Ложкаревой)**

> *«Она было купила домик вот там, у нас клуб был, за клубом. Я уже замуж вышла, к ним пришла, и ту зиму мы едва пережили. Холодно. Вот она решила, тут житья-то нет, и решила перестроить эту... свою. Потому что она купила, а он оказался худой дом-то. Бабушка перешла жить к Колевке, дом пустовал, и она решила переделать его в свое. Это было в 1974 году. А мы-то уже снова все переделывали. У нас же квартира была, квартира-то сгорела, и мы тут все поднимали на фундамент, переделывали. Но стены-то все стояли, переделывали печи, переделывали фундамент, ремонт. А стены-то, основное, крыша, эти перекрытия старые, 50-х годов»* (Любовь Синицкая, 63 года, сноха Т.П. Ложкаревой).

Четвертый тип, «двухквартирник» — небольшой деревянный дом на две семьи, конца 1970-х, с наиболее комфортно и эргономично устроенным жилым пространством.

> *«Квартиры-то удобнее. Как бы все отдельно, комната, спальня, кухня — все изолированно. Удобнее, конечно. Планировка удобнее. Но со скотом-то, конечно, удобнее здесь. Там-то пока набегаешь-*

ся, все во дворе, а если заметет. Тут-то я еще и на улице не была» (Любовь Синицкая, 63 года).

«Эти двуквартирники — с виду маленькие, а внутри еще лучше и грамотнее устроены, чем большие дома деревенские. И комнаты там просторнее, и кухня. Только придомовые постройки отдельные домики — образуют открытый двор» (Василий Ергин, 60 лет).

Итак, в зависимости от устройства дома, его интерьера, оказывавшего влияние и на внешний облик, соотношения жилой и хозяйственной части можно выделить четыре типа северных деревенских домов: избу, пятистенок, безымянное жилье и двухквартирник. У каждого типа свое место в истории, своя прагматика.

Прагматика дома

Третий и четвертый тип домов являются наиболее молодой застройкой, в некоторой степени приближенной по внутреннему устройству, удобствам к городской квартире, за исключением помещений, отвечающих за соблюдение гигиены (баня, туалет), — они и сегодня продолжают находиться на улице, в виде отдельных построек.

«Раньше бани, я еще застал, были черные, топились по-черному: у них отсутствовала дымоходная труба, не было печи, которую мы теперь затапливаем, например, а был открытый очаг, он располагался прямо на земле и прогревал вокруг него уложенные камни, и всю баню целиком — они еще меньше были тогда. Дым от очага выходил через частично приоткрытую дверь и отдушину в потолке. Стены, пол, потолок быстро покрывались копотью, оттого и называли их «черными». Ох и жаркие они были! Такие бани были очень пожароопасные, потому их сооружали на выселках, у реки, поодаль от самой деревни, жилых домов. Бывали случаи, они и горели у нас. А потом уже, наверное, в 70-е стали появляться белые бани, с печью, металлической, как правило. Не опасные, оттого перестраивались ближе к дому» (Василий Ергин, 60 лет).

Появление новых архитектурных стилей и решений (новых типов жилой застройки, совершенствование бани) приходится на период 1960–1970-х годов, характеризующийся общим подъемом деревни: благоприятной экономической ситуацией, ростом населения, наличием работы.

Гармония и практичность устройства жилых домов сменились восприятием нецелесообразности и избытка их хозяйственной части. Модернизация сельского жилья, отказ от громоздкости, тя-

желовесности в пользу компактности помещений наложили отпечаток на традиционные занятия ремеслами и промыслами, столь важными для жизнеобеспечения местного населения, но утратившими свое было значение (Никулина, Никулин, 2015: 179). С конца 1980-х, со слов наших собеседников, все стало валиться, терять смысл, а вместе с тем пропадали прочность, основательность, необходимость оставаться на земле. Кит Хафекри утверждает, что в основании традиционного сельского пространства лежит идея продуктивизма (Halfacree, 2006: 55-56), или производства продуктов, труда, регламентирующего и определяющего деревенский уклад. Подрыв оснований, ускользание экономической целесообразности приводит к потере ориентиров, разрушению символического пространства дома.

Общей чертой для первых двух типов домов и отличавшей от них четвертый и отчасти третий тип была организация хозяйственной части дома, называемая «крытым» двором. Двор соединялся с жилым пространством «мостом» — нежилой, неотапливаемой площадью, значительно превышающей размеры жилища. «Мост» был основанием дома, тем, что кормит, питает семью.

Просто и ярко о хозяйственной части дома — у Валерия Виноградского, в его разговорах с крестьянами южных широт: «Что такое работа на других? Это так, ерунда, для денег. Но дом — вот что главное. Дом в основном кормит!» (Виноградский, 2017b: 106). И нет никакой разницы между севером и югом в этих словах. Разница лишь в конструкциях, привычках, приспособлениях к северному быту. Потому предназначение «моста» нельзя недооценить. Это:

1) разделительный барьер между основным, жилым помещением и улицей, выполняющий роль теплового (ветрозащитного) тамбура;

2) соединительное пространство между избой, садником (сараем для содержания домашних животных) и поветью (сеновалом), позволявшее не выходить на улицу, а вести все домашние дела внутри дома;

3) холодная кладовая для продуктов питания в демисезонный период. Обычно в сенях для этого оборудуются полки;

5) гостевая комната, где в теплый период гости или родственники могут переночевать;

6) склад (кладовая) для разного инвентаря, не поместившегося в дом.

Как признаются сами жители, значение хозяйственной части больших размеров постепенно нивелировалось: скотину стали держать реже (или перестали держать вовсе), необходимость заготавливать и хранить корма постепенно отпала. Современность наложила свой отпечаток: функция «моста» была низведена до роли тамбура, так как сельский житель не заинтересован в ведении широкого подсобного хозяйства, которое подразумевает наличие такого многофункционального помещения.

Продолжением «моста» служила пристраиваемая к нему веранда, которая имела вспомогательное значение. Однако перепроектировать и благоустроить дом для комфортной жизнедеятельности в современных условиях никто не спешил: *«Жилое пространство было ограниченно при наличии большой семьи, какой смысл обживать его при ее отсутствии?»*

> *«Это постройка 70-х годов, раньше так не строили. Двор-то строили, мост большой, так я не знаю зачем? А как иначе? Все равно оно во всю получается. Потому что двор он все равно маленько от избы-то отступали, строили под одну крышу. Зато удобство какое — на мосту много чего влезет. Там ведь раньше ушаты разные были, держали со всякой снедью. Ведь и с капустой, с грибами и с ягодами. И может быть, какие корма и зерно. Все ведь на мосту. Да как же теперь без мосту. Печки стоят, комната, кухня, мост, веранда, двор, животные живут. Все под одной крышей. На улицу выходить не надо. Баня только что отдельно, и все»* (Любовь Синицкая, 63 года).

Функциональность и прагматизм поздних построек четвертого типа — жилье для скромного, экономного пребывания, теперь начинает уступать в привлекательности, казалось бы, избыточному дворовому комплексу старинных общих построек. Сельская жизнь, на которую себя считают обреченными старики, не настолько унылая и бесперспективна. Слабый, но устойчивый миграционный поток из города в деревню, регистрируемый в Западной Европе (Milone, Ventura, 2019: 43), вполне реален и в наших широтах. Это не только формирование новых форм хозяйствования, но и переосмысление места жизни, дома для семьи.

Сельский лофт

Действительно, сокращение, а затем и полный отказ от сельских работ, домашнего хозяйства, отъезд детей и внуков в город за лучшей жизнью, старение деревни привели к запустению, оскудению, безлюдью. Один-два старика в горенке или избе и пустые, отсыревшие, продуваемые ветром хозяйственные помещения. Впечатления безрадостные, а вместе с тем трогательные, настраивающие на лирический лад, открывающие иные возможности, иной мир.

> *«Тут оно... идет к концу деревня — кому это надо? Оно никому не надо тут, сейчас. Жизнь тут не возобновится. Вымирает? И вымирай потихоньку все, кому это надо. А ведь и поселок пустеет, не только деревня... Конечно, хотелось бы возрождения, этого, мне кажется, все хотят. Здесь родились, здесь и умрем. Страх-то берет, что немощные будем, дак потом-то куда?*

Как вот дети будут за нами присматривать? Они — там, а мы — здесь. Старых-то людей уже не стало почти, вот таких-то возрастов [кивает в сторону Таисии Павловны]*»* (Любовь Синицкая, 63 года).

Сидела у Синицких, разговаривала. Зашла Валентина Софрыгина. Присела порасспрашивать, поговорить о жизни. Виделись еще в первые мои приезды. Узнала, повздыхала, порадовалась. Пили чай, шутили, а трагичность, неустроенность так и не ушла. Переходишь от одних хозяев к другим, а разговоры не меняются.

«Старые уходят, молодые уходят — ой, господи ты, жизнь... Кто умирает, кто уезжает — все вымирает, дома пустые стоят. Идешь мимо, тут Сережка Велькин — пустой дом, сейчас Костя уедет — половина пустая, я иду да считаю: Велька — одна, Самойлов — один, Нинка — одна. Все. А раньше-то ребяток маленьких-то прыгало да бегало. А сейчас все, никого не стало. Вот что делается. Деревня у нас пустая, Лена, просто пустая. Вишь, домов много стоит, а все опустели. Благо что еще лесопункт есть, за счет поселка, так и деревню нашу тянет. А как начнут из поселка уезжать молодые семьи, так и конец» (Валентина Софрыгина, 65 лет).

Старение, немощь, одиночество в больших пространствах, постепенно ставших невостребованными, рождают протяжные, наполненные грустью разговоры. Невольно думаю о своих поездках по сельской Европе. В Прибалтике, Польше, Чехии или Германии не раз приходилось останавливаться в сельских апартаментах — хозяйственных или жилых помещениях, преобразованных для туристов. И там, в той мере, в какой можно делиться личным с иностранцем, присутствуют разговоры о трудностях сельской жизни, но они дополняются и множеством светлых воспоминаний.

И у нас, и в Европе пока семья прирастала, дом обретал новые помещения, хозяйственные пристрои, теперь — многие разъехались. В российской деревне по большей части остались одни старики. Они наполняют теплом горенку и кухню, на большее нет ни сил, ни потребности. Но дом по-прежнему статен, чуть покосившийся, вполне годный для возрождения. Нельзя объяснить это рационально, но ощущение некоторого ожидания, немого вопроса, который задают сами стены, остается.

Упрощение, унификация жилья, пришедшееся на весь XX век (Косенкова, 2018), полный отказ от капитальных ремонтов и пристроев — в начале века нынешнего, возможно, требуют кардинального пересмотра. Как в крупных городах на месте заводских цехов, огромных фабричных территорий построены современные лофты, пространства для творчества, общения и производства знания,

так и в сельской местности монументальные дома ожидают своих творческих решений, способных наполнить старые формы новыми смыслами.

«Ревитализация», или возрождение села, — термин с долгой историей (Gladwin, Long, Babb et al., 1989), но который впервые услышал совсем недавно от китайских коллег (Куракин, 2018), отражает не только возрождение традиций, но и переопределение их под новые формы хозяйствования, акцентирующие внимание на экологии, чистоте, простоте архитектурных решений (Lin, Wang, Ke, 2018: 123-125; Wang, Zhuo, 2018: 103-104). Предельная прагматика любых преобразований дома — основа ревитализации. Не сохранение, консервирование или музеефикация прошлого, а преобразование и ремонт умирающих форм под новые, переосмысленные потребности расширенных семей, давно расселившихся по всей России.

Деревенский дом нуждается в ревитализации, переопределении его функционала, подстройки под потребности стареющей деревни, связывающей семьи, дающей основание для воспроизводства родства, кровных связей и отношений. Пространство деревенского дома есть «источник социальной общности и физического родства» (Домников, 2016: 45). Речь идет не о даче, втором жилье, построенном для отдыха и развлечений (Mamonova, Sutherland, 2015), а о первом, основополагающем, родовом, фундаментальном доме. В этом процессе ревитализации старение не должно рассматриваться как некоторый негативный исход или утрата. Старость современного сельского мира есть витальное основание для новой жизни дома, его обитателей, хозяев и гостей. Но пока нас встречает негативная старость, жалобы и упреки к несправедливости социального порядка:

> *«Раньше-то, ну население-то было ведь. Работа была, лесопункт был, совхоз гремел. Чего еще... столовая была, магазины были. Все было ведь, все было, а только куда оно все делось? Людей не стало видимо, дак... Сейчас пока сил хватает, так огородом живем, все равно на земле. А куда поедешь-то сейчас? Молодые никуда не могут: вот не стало работы, худо-бедно хозяйство было, какие-то доярочки были да мужики там работали. А сей год — все, нету. Надо ехать, а куда ехать? Вот куда ехать семье, если они живут здесь в деревне, за чертой бедности. Жилье надо, а если дети еще. Что про нас-то говорить, нам уж как-то надо тут жить... Хотелось бы, кабы жилье было, конечно, выбраться. Дети-то уехали от нас еще маленькие: пятнадцати лет, школу, девять классов кончили — все, мы их не видим. Учиться да работать, потом замуж... Так и уезжают у нас дети, еще маленькие, недолюбленные... А вот мы-то будем жить, да больницы-то не будет — вот потом худо. Будем уже здоровьем хромать, больше. Та же тетя Нина — сидит. Была бы при городе, может быть, ка-*

кую бы помощь оказывали. Ведь все проблемное, все да в наших возрастах. Хорошо сидишь эва пока не тревожит ничто. Единственное что — в больницу выбираться трудно» (Любовь Синицкая, 63 года).

Переживание утраты и разрушения — первый шаг к осмыслению настоящего. Важно не остановиться, продолжить движение.

Сельский лофт — это место, где отсутствует не только государство, с его непрерывным модернистским, реформаторским дискурсом, но и юношеское стремление к новизне, переменам, поиску лучшей доли. Он переопределяет временные горизонты, указывает на действительность, правдивость прошлого, обличает легковесность, надуманность будущего. Старость деревенского дома — это «близость к вечности» (Лишаев, 2010: 177), где прошлое присутствует зримо, определяя фактурой ветхих вещей бессмысленность и суетность современного мира. Сельский лофт — это портал из мира мнимого комфорта и призрачных увеселений в мир осознания полноты жизни, «расширенного настоящего» (по Б. Докторову) человеческих притязаний. Сельский лофт, или культурно обустроенное пространство, расширяющее прошлое, придающее смысл настоящему, — то немногое, чем может выделяться Россия в мировых экономических и социальных обменах (Родоман, 2017), что может экспортировать как экологически безупречную форму человеческой жизни.

Эпилог

Пробыли в деревне недолго — всего неделю. Я успел свыкнуться с местным говором, как-то приспособиться к отсутствию воды и теплого туалета, как-то, на время. Ощущение временности, неустойчивости увиденного не покидало. Деревенский дом находится на развилке: уйти в небытие вместе со всеми прошлыми чаяниями, как это не раз уже бывало (Erikson, 1976), или возродиться через новые смыслы и подходы. Последнее сомнительно, но весьма привлекательно. Привлекательна для нас, окунувшихся на время в деревенский быт, растерянность стареющих селян от утратившего смысл вековечного уклада. Но всегда есть шанс, что безнадежное дело по ревитализации села будет подхвачено и укоренено на российской земле.

***

Пришло время собираться в обратный путь. Вновь дорога предстоит долгая и нелегкая. Тебя не обмануть — не задержались. И снова оставляем, одиноким и неприступным, на сей раз заколачивая вход-

ную дверь и местами забивая окошки. Не серчай, старче, глядишь, вернемся по весне, укрепим нижние венцы, поднимем пол, поправим дымоход — ты встрепенешься от холодной зимней стужи, расправишь согнутые плечи, задышишь полной грудью. Как прежде, как всегда. А надо ли? Отнюдь. Ведь ты был, есть и останешься главнейшим членом семьи. Ты — ее основатель. Молчаливый хранитель ее традиций и тайн. Ты — наш дом.

Библиография

Архипова М.Н., Туторский А.В. (2013). Общинные традиции в хозяйстве (как пример бытований традиций в малой группе) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. № 3. С. 104–115.

Бабашкин В.В. (2017). Крестьянин как романтик // Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 152–161.

Бабашкин В.В. (2018). Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского // Крестьяноведение. Т. 3. № 1. С. 174–182.

Бодэ А.Б., Воеводин И.В., Тодорова З.А. (2017). Традиционный водлозерский дом: из истории народного жилища // Academia: Архитектура и строительство. № 2. С. 5–11.

Виноградский В.Г. (2017a). «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Виноградский В.Г. (2017b). Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 101–120.

Домников С.Д. (2016). Формы жизни и ландшафты культуры // Крестьяноведение. Т. 1. № 1. С. 38–67.

Косенкова Ю.Л. (2018). «Образцовая культурная деревня»: архитектурные мечтания и реальность 1920–1930-х годов // Academia: Архитектура и строительство. № 3. С. 77–85.

Куракин А.А. (2018). Китайско-российская конференция «Сельское возрождение» // Крестьяноведение. Т. 3. № 2. С. 188–197.

Лишаев С.А. (2010). Старое и ветхое: опыт философского истолкования. СПб.: Алетейя.

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. (2001). Избяная литургия. Книга о русской избе. (Древнерусское деревянное зодчество, вып. 2). М.: ОПОЛО.

Пермиловская А.Б. (2005). Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX — начало XX века). Архангельск: Правда Севера.

Родоман Б.Б. (2017). Экологическая специализация — желательное будущее России // Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 28–43.

Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001.

Самойлова Е. (2016). Отсюда родом. Октябрьский, Архангельская обл.: МБУК «Устьянский краеведческий музей».

Семченков А.С. (2001). Выработка концепции «русского дома» // Жилищное строительство. № 1. С. 18–19.

Никулина Е.С., Никулин А.М. (2015). [Рец.] Рассказывают мастера: из материалов экспедиций по Архангельской области в 70–80-е годы XX века с фотографиями, комментариями и дополнениями автора: *Филева Н.А.* Архангельск: ОАО «ИПП “Правда Севера”», 2014 // Человек. № 3. С. 176–181.

Шейковская Е.Н. (2012). Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М.: Изд-во «Индрик».

Bovet A., Strebel I. (2019). Job done: What repair does to caretaker, tenants and their flats // Repair work ethnographies: Revisiting breakdown, relocating materiality / Ed. by I. Strebel, A. Bovet, Ph. Sormani. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 89–127.

Cowie J., Heathcott J. (2003). Beyond the ruins: The meanings of deindustrialization. Ithaca, NY: ILR Press.

Duyvendak J.W. (2011). The politics of home: Belonging and nostalgia in Europe and the United States. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Erikson K. (1976). Everything in its path: Destruction of community in the Buffalo Greek flood. New York: Simon and Shuster.

Gladwin C.H., Long B.F., Babb E.M., Beaulieu L.J., Moseley A., Mulkey D., Zimet D.J. (1989). Rural entrepreneurship: One key to rural revitalization // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 71. No. 5. P. 1305–1314.

Halfacree K.H. (1995). Talking about rurality: Social representations of the rural as expressed by residents of six English parishes // Journal of Rural Studies. Vol. 11. No. 1. P. 1–20.

Halfacree K.H. (2006). Rural space: Constructing a three-fold architecture // Handbook of rural studies / Ed. by P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. Thousand Oaks: Sage. P. 44–62.

Hammersley M., Atkinson P. (1989). Ethnography principles in practice. London: Routledge, 1989. [Reprinted, first published in 1983 by Tavistock Publications].

Heley J., Jones L. (2012). Relational rurals: Some thoughts on relating things and theory in rural studies // Journal of Rural Studies. Vol. 28. P. 208–217.

Kelly D., Steiner A., Mazzei M., Baker R. (2019). Filling a void? The role of social enterprise in addressing social isolation and loneliness in rural communities // Journal of Rural Studies. In Press, corrected proof. [https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.01.024]

Lequieu A.M. (2017). "We made the choice to stick it out": Negotiating a stable home in the rural, American rust belt // Journal of Rural Studies. Vol. 53. P. 202–213.

Lin W.-H., Wang W.-B., Ke L.-B. (2018). On the problem and countermeasures of rural ecological culture construction from the perspective of strategy of rural revitalization // Advances in Economics, Business and Management Research. Vol. 60. P. 123–129.

Milone P., Ventura F. (2019). New generation farmers: Rediscovering the peasantry // Journal of Rural Studies. Vol. 65. P. 43–52.

Momonova N., Sutherland L.-A. (2015). Rural gentrification in Russia: Renegotiating identity, alternative food production and social tension in the countryside // Journal of Rural Studies. Vol. 42. P. 154–165.

Tuitjer G. (2018). A house of one's own — the Eigenheim within rural women's biographies // Journal of Rural Studies. Vol. 62. P. 156–163.

Wang H., Zhuo Y. (2018). The necessary way for the development of China's rural areas in the new era-rural revitalization strategy // Open Journal of Social Sciences. Vol. 6. P. 97–106.

Autoethnography of the rural house in the Russian North

Dmitry M. Rogozin, PhD (Sociology), Head of the Laboratory for Social Research Methodology, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119034, Moscow, nab. Prechistenskaya, 1. E-mail: rogozin@ranepa.ru.

Elena V. Vyugovskaya, Researcher, Laboratory for Social Research Methodology, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119034, Moscow, nab. Prechistenskaya, 1. E-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru.

The authors use the ethnographic weak description, i.e. the introspection of personal feelings and impressions, to turn personal reflections into a complete story supplemented with the fragments of narrators' direct speech and linguistic means that allow to express emotions in words and phrases; thus, the authors reconstruct the concept of the

Russian northern rural house and archetypical representations of the traditional rural lifestyle. The article is based on conversations and observations in Siniki, the village in the Ustyansky district of the Arkhangelsk Region, in which the structure of respondents' houses, their appearances, history of construction and of families were discussed. The distinctive features of the old northern house are determined not only by its architectural forms, organization of everyday-life space (hut) and farm outbuildings but also by its owners' biographies and destinies for the house reflects cultural identities, family values and memories, and intergenerational connections. The internal structure of the house determined primarily by natural conditions, economic needs and pragmatics of everyday life allows to identify four types of northern rural houses: a hut, a five-wall house, a no-name house and a duplex house. The latter two types represent the most recent housing characterized by functionality, comfort, compactness and the loss of the previously important wide economic multifunctional spaces. Today the new forms of management and organization of the living place and transformations of the rural house by the contemporary villagers (mainly the elderly) are the basis of the rural revival.

Key words: autoethnography, participant observation, rural house, rural revival, weak description, rural lifestyle.

References

Arkhipova M.N., Tutorsky A.V. (2013) Obshchinnye traditsii v khozyaystve (kak primer bytovany traditsy v maloy gruppe) [Communal traditions in the economy (as an example of the existence of traditions in a small group)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta: Istoriya*, no 3, pp. 104–115.

Babashkin V.V. (2017) Krestyanin kak romantik [Peasant as a romantic]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 3, pp. 152–161.

Babashkin V.V. (2018). Kogda mysl izrechennaya est pravda, ili Krestyanovedenie Valeriya Vinogradskogo [When the uttered thought is true, or the peasant studies of Valery Vinogradsky]. *Krestyanovedenie*, vol. 3, no 1, pp. 74–182.

Bode A.B., Voevodin I.V., Todorova Z.A. (2017). Traditsionny vodlozersky dom: iz istorii narodnogo zhilishcha [Traditional Vodlozersky house: From the history of people's dwelling]. *Academia: Arkhitektura i Stroitelstvo*, no 2, pp. 5–11.

Bovet A., Strebel I. (2019) Job done: What repair does to caretaker, tenants and their flats. *Repair Work Ethnographies: Revisiting Breakdown, Relocating Materiality.* Ed. by I. Strebel, A. Bovet, Ph. Sormani., Singapore: Palgrave Macmillan. pp. 89–127.

Cowie J., Heathcott J. (2003). *Beyond the Ruins: The Meanings of Deindustrialization*, Ithaca: ILR Press.

Domnikov S.D. (2016). Formy zhizni i landshafty kultury [Forms of life and landscapes of culture]. *Krestyanovedenie*, vol. 1, no 1, pp. 38–67.

Duyvendak J.W. (2011) *The Politics of Home: Belonging and Nostalgia in Europe and the United States*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Erikson K. (1976) *Everything in its Path: Destruction of Community in the Buffalo Greek Flood*, New York: Simon and Shuster.

Gladwin C.H., Long B.F., Babb E.M., Beaulieu L.J., Moseley A., Mulkey D., Zimet D.J. (1989) Rural entrepreneurship: One key to rural revitalization. *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 71, no 5, pp. 1305–1314.

Halfacree K.H. (1995) Talking about rurality: Social representations of the rural as expressed by residents of six English parishes. *Journal of Rural Studies*, vol. 11, no 1, pp. 1–20.

Halfacree K.H. (2006) Rural space: Constructing a three-fold architecture. *Handbook of Rural Studies.* Ed. by P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney., Thousand Oaks: Sage, pp. 44–62.

Hammersley M., Atkinson P. (1989 [1983]). *Ethnography Principles in Practice*, London: Routledge.

Heley J., Jones L. (2012). Relational rurals: Some thoughts on relating things and theory in rural studies. *Journal of Rural Studies*, vol. 28, pp. 208–217.

Kelly D., Steiner A., Mazzei M., Baker R. (2019) Filling a void? The role of social enterprise in addressing social isolation and loneliness in rural communities. *Journal of Rural Studies*. https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.01.024.

Kosenkova Yu.L. (2018) "Obraztsovaya kulturnaya derevnya": arkhitekturnye mechtaniya i realnost 1920–1930-kh godov [An "exemplary cultural village": Architectural dreams and reality of the 1920s–1930s]. *Academia: Arkhitektura i Stroitelstvo*, no 3, pp. 77–85.

Kurakin A.A. (2018) Kitaysko-rossiyskaya konferentsiya "Selskoye vozrozhdenie" [China-Russia conference "Rural Revival"]. *Krestyanovedenie*, vol. 3, no 2, pp. 188–197.

Lequieu A.M. (2017) "We made the choice to stick it out": Negotiating a stable home in the rural, American rust belt. *Journal of Rural Studies*, vol. 53, pp. 202–213.

Lin W.-H., Wang W.-B., Ke L.-B. (2018) On the problem and countermeasures of rural ecological culture construction from the perspective of strategy of rural revitalization. *Advances in Economics, Business and Management Research*, vol. 60, pp. 123–129.

Lishaev S.A. (2010) *Staroe i vetkhoe: opyt filosofskogo istolkovaniya* [Old and Dilapidated: A Philosophical Interpretation], Saint Petersburg: Aleteya.

Mamonova N., Sutherland L.-A. (2015) Rural gentrification in Russia: Renegotiating identity, alternative food production and social tension in the countryside. *Journal of Rural Studies*, vol. 42, pp. 154–165.

Milone P., Ventura F. (2019) New generation farmers: Rediscovering the peasantry. *Journal of Rural Studies*, vol. 65, pp. 43–52.

Nikulina E.S., Nikulin A.M. (2015) Rasskazyvayut mastera: iz materialov ekspeditsy po Arkhangelskoy oblasti v 70–80-e gody XX veka s fotografiyami, kommentariyami i dopolneniyami avtora: Fileva N.A. Arkhangelsk: OAO "IPP Pravda Severa", 2014 [Masters tell: from the expeditions in the Arkhangelsk Region in the 1970–1980s, with photos, comments and additions of the author: Fileva N. *Arkhangelsk*: OAO "IPP Pravda Severa", 2014]. *Chelovek*, no 3, pp. 176–181.

Opolovnikov A.V., Opolovnikova E.A. (2001) *Izbyanaya liturgiya. Kniga o russkoy izbe (Drevnerusskoe derevyannoe zodchestvo, vyp. 2)* [Rural-House Liturgy. A Book on the Russian Hut (Old-Russian Wooden Architecture, vol. 2)], Moscow: OPOLO.

Permilovskaya A.B. (2005) *Krestyansky dom v kulture Russkogo Severa (XIX — nachalo XX veka)* [Peasant House in the Culture of the Russian North (19th — Early 20th Century)], Arkhangelsk: Pravda Severa.

Rodoman B.B. (2017) Ekologicheskaya spetsializatsiya — zhelatelnoe budushchee Rossii [Ecological specialization as a desirable future for Russia]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 3, pp. 28–43.

Russky Sever (2001)*: etnicheskaya istoriya i narodnaya kultura. XII–XX veka* [Russian North: Ethnic History and Folk Culture. 12–20th Centuries], Moscow: Nauka.

Samoilova E. (2016) *Otsyuda rodom* [I Was Born Here]. Oktyabrsky, Arkhangelkaya oblast: MBUK "Ustyansky kraevedchesky muzey".

Semchenkov A.S. (2001) Vyrabotka kontseptsii "russkogo doma" [The development of the "Russian house" concept]. *Zhilishchnoe Stroitelstvo*, no 1, pp. 18–19.

Sheykovskaya E.N. (2012) Russky krestyanin v dome i mire: severnaya derevnya kontsa XVI — nachala XVIII veka [Russian Peasant in the House and the World: Northern Village of the Late 16th — Early 18th Century], Moscow: Izd-vo "Indrik".

Tuitjer G. (2018) A house of one's own — the Eigenheim within rural women's biographies. *Journal of Rural Studies*, vol. 62, pp. 156–163.

Vinogradsky V.G. (2017a) *"Golosa snizu": diskursy selskoy povsednevnosti* ["Voices from Below": Discourses of Rural Everyday Life], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.

Vinogradsky V.G. (2017b) Formy neformalnosti: nevidimaya ekonomika krestyanskogo dvora [Forms of informality: Invisible economy of the peasant house]. *Krestyanovedenie*, vol. 2, no 2, pp. 101–120.

Wang H., Zhuo Y. (2018) The necessary way for the development of China's rural areas in the new era-rural revitalization strategy. *Open Journal of Social Sciences*, vol. 6, pp. 97–106.